
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ОТРАЖЕНИИ ДОКУМЕНТОВ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА

Е. Н. Мох

Аннотация: В статье на основе текстов материалов личного характера (воспоминаний, дневников) рассмотрена повседневная жизнь советских военнопленных в немецких лагерях на оккупированной территории Беларуси.

Ключевые слова: советские военнопленные; эго-документы; лагерный режим; историческая память; лагерь

EVERYDAY LIFE OF SOVIET PRISONERS OF WAR IN GERMAN CAMPS IN THE OCCUPIED TERRITORY OF BELARUS IN THE REFLECTION OF DOCUMENTS OF PERSONAL ORIGIN

Annotation: Based on texts of materials of personal origin (memoirs, diaries), the article examines the daily life of Soviet prisoners of war in German camps in the occupied territory of Belarus.

Keywords: Soviet prisoners of war; ego-documents; camp regime; historical memory; camp.

Одной из форм, позволяющих вписать индивидуальные биографии советских военнопленных в общеисторический контекст и соотнести свидетельства очевидцев с официальным нарративом, являются эго-документы. Такой вид источников отражает самые разные социальные, общественные и духовные стороны жизни человека, позволяет осветить малоизвестные грани изучаемой проблемы: жизнь и быт в лагерях, взаимоотношения военнопленных с администрацией, друг с другом, с местным населением. Данные источники передают эмоциональное состояние бывших советских военнопленных, их внутренний мир, мысли, открывают новые перспективные направления исследования темы войны. Личные наблюдения, детали и факты, сообщенные бывшими военнопленными в своих мемуарах, письмах, являются ценнейшим источником.

В ретроспективном эго-источнике сочетаются индивидуальное восприятие прошлого и коллективные представления, которые рисуют картину понимания происходящего [1]. Использование материалов личного характера советских военнопленных остается особенно ценным для изучения внутрилагерной жизни и быта. Безусловно, разбросанные по мемуарным

текстам описания, относящиеся к лагерному быту советских военнопленных, охватывают как разные временные периоды, так и разные лагеря, отличавшиеся по типологии: сборные пункты, шталаги, пересыльные лагеря. Ю. Апель, вспоминая о годах неволи, справедливо заметил: «Плен, как и сама жизнь, очень многообразен. Лагеря военнопленных сильно разнятся по своему назначению, режиму, обращению и возможностям в них выжить» [2]. Это обстоятельство ограничивает в формулировании обобщающих выводов. Между тем, свидетельства очевидцев позволяют выявить типичность некоторых явлений.

Развернутые для содержания военнопленных лагеря и их филиалы в Беларуси представляли собой огороженную несколькими рядами проволоки территорию, на которой военнопленные находились под открытым небом либо размещались в непригодных помещениях: в конюшнях – дулаг № 121, Гомель; разбитых казармах – дулаг № 125, Полоцк; крепостях – дулаг № 131, Бобруйск.

Из отчета коменданта по делам военнопленных округа «J» полковника Маршалла за 1941 г. видно, какими были пересыльные лагеря на оккупированной территории Беларуси. «112-й пересыльный лагерь в Молодечно: 8 тысяч военнопленных под открытым небом, 341-й пересыльный лагерь в Бобруйске: под крышей только 6 тысяч пленных, остальные располагаются в укрепленных ямах в грязи, 220-й пересыльный лагерь в Гомеле: 8 тысяч пленных, из которых под крышей 3 тысячи могут лежать или 5 тысяч стоять» [3].

К таким суровым условиям размещения в лагерях военнопленные приспособлялись по-разному. Одни использовали старинный солдатский способ спать, не замерзая, – «кружком»: солдат подстилал шинель с растянутым хлястиком, ложился на правый бок, укрывался той частью шинели, на которой был воротник, и сгибал ноги в тазобедренном суставе градусов на тридцать. Следующий солдат ложился ниже, спиной к ляжкам, и ногами грел спину лежащему еще ниже. Другие умело спасались от блох: они тщательно вылавливали блох на себе, выносили одеяло и расстилали его на снегу, так как на морозе все блохи делали стойку на передних лапках и стояли неподвижно. После этого сметали блох на снег и быстро укутывались [2, с. 134].

Для поддержания дисциплины и порядка в лагерях создавалась внутренняя и внешняя охрана. Внешняя была представлена солдатами старших возрастов, входившими в охранные батальоны вермахта. Внутренняя охрана – лагерными полицейскими из числа самих военнопленных, они осуществляли контроль над военнопленными в лагере. Положение полицейских

в лагере описал бывший военнопленный шталага № 316 (Волковыск) К. И. Игошев: «Все полицаи носили командирское обмундирование, насильно снятое с пленных, яловые сапоги и кожаные командирские ремни, на левом рукаве носили белую повязку с разными черными нашивками – в зависимости от занимаемого положения. Оружия немцы им не доверяли и даже не выпускали в город. Оружием служили дубинки и специальные плетки с вшитыми в наконечники металлическими предметами» [4].

Предписания вермахта по обеспечению военнопленных продуктами питания на местах выполнялись по-другому. Очень часто некоторые перечисленные в рации продукты не выдавались, заменялись другими. По воспоминаниям бывшего военнопленного В. Н. Вахромеева: «Делили буханку эрзац-хлеба пополам с опилками на равные части. В бараке у нас были самодельные чашечные весы, на которых мы могли довольно точно взвесить маленькие кусочки хлеба. Если же не было весов, то поступали иначе. Резали буханку на примерно равные кусочки по количеству пленных в бараке. Раскладывали на чистую бумагу или платок. Один из группы поворачивался ко всем спиной и, указывая на первый кусок, спрашивал: «Кому?». Ему говорили имя или номер, и он передавал кусочек этому человеку. И так поочередно все кусочки. Считалось большим счастьем получить при дележе кусок горбушки...» [5, с. 49]. Комплексный анализ нормативной базы и практики организации продовольственного обеспечения советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси показывает, что этому вопросу в первый год войны не придавали особого значения. Только в 1942 г. в связи с активным использованием труда пленных в практику нацистского военного плена вошел принцип дифференциации норм продовольствия, по которому, с одной стороны, поддерживалось физическое состояние пленных, а с другой – использовался их труд.

Для каждого лагеря характерны своя «внутренняя жизнь», свой быт. Имеются единичные примеры организации в лагерях военнопленных «лагерной самодеятельности», проведения богослужений, совершения православными священниками церковных таинств (шталаги № 352, 337, 342). В лагере № 352 в бараке № 6 (известен как барак артистов) военнопленными был создан хор. «Задача деятельности артистов – сплотить группу, настроить на побег, на борьбу, спеть и показать такой материал, после которого не захочется даже раненому отсиживаться за проволокой», – вспоминал бывший военнопленный барака № 6 А. И. Мягков [6]. В Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны хранится его блокнот с записями песен.

Как правило, в каждом лагере существовал производственный отдел, который занимался организацией работ военнопленных в лагере и за его пределами. Этот отдел отвечал за ведение учета заявок на рабочую силу, заключал договоры с ними, распределял военнопленных на принудительные работы и представлял отчетность об их использовании. В некоторых лагерях военнопленные организовывали некое подобие рынка: осуществляли обмен продуктами между собой и военнопленными из числа полицаяев, например, одежду и сигареты меняли на хлеб и картошку. Торговля начиналась вечером, как правило, после возвращения в лагерь рабочих команд, которым удавалось пронести за колючую проволоку продукты либо сигареты. Нелегальный обмен вещей на продукты между военнопленными осуществлялся и в лагере № 337. По воспоминаниям бывшего пленного этого лагеря М. А. Жилина, лагерными умельцами выпускались такие изделия, как деревянные игрушки, шкатулки, предметы быта из соломки. Сапожники изготавливали тапочки, зимнюю стеганую обувь и галоши. Материалом для тапочек и стеганой обуви служило обмундирование. На подошву шли резиновые межвагонные тормозные рукава. Галоши клеились из автомобильных камер, резиновый клей поставляли команды, обслуживающие гаражи. Утром администрация лагеря забирала часть изделий для реализации, часть брали с собой работающие военнопленные, а остальное сдавалось в канцелярию, где была организована продажа товаров. Возле каждой вещи писалась «цена» в количестве продуктов, хлеба или табака, фамилия продавца и номер барака. На вечерней проверке унтер-офицер канцелярии раздавал «выручку» за проданные изделия [7].

Примером духовного сопротивления являлась нелегальная деятельность писателя С. П. Злобина в шталаге № 352 по подготовке рукописной газеты «Пленная правда» для военнопленных. Оказавшись в окружении, он был контужен и попал в плен. Злобин был секретарем подпольной коммунистической группы, писал песни, прокламации, статьи. Так, первый номер подпольной лагерной газеты появился 10 июля 1942 г. За три ночных дежурства в лагерном лазарете были подготовлены и размножены три экземпляра газеты. А затем она пошла с нар на нары в лагерных бараках, с койки на койку по лазарету. Один экземпляр рабочая команда вынесла в город. Девизом газеты послужили известные строки немецкого поэта Гете: «Лишь тот достоин чести и свободы, кто каждый день идет за них на бой». Эти слова призывали пленных к активной борьбе за жизнь и свободу. По своей структуре газета была разбита на несколько разделов: «Наша правда», «На фронтах», «Пословицы, поговорки, загадки», «Объявления».

В издании особое значение уделялось последним событиям на фронте, в разделе шуток и юмора давалась «памятка беглеца», где указывалось, что задача военнопленных – это побег из лагеря и возвращение в ряды борцов против оккупантов. Безусловно, газета «Пленная правда» представляет исторический интерес, пример борьбы и нравственной силы военнопленных [8].

Рис. 1. Газета «Пленная правда»

Таким образом, изучение источников личного характера позволяет по-иному интерпретировать лагерный режим, реконструировать и понять через субъективное восприятие военнопленных переживания, чувства, детали, отсутствующие в официальных источниках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлов, С. В. Эго-документы в структуре исторической памяти / С. В. Козлов // Библиосфера. – 2022. – № 4. – С. 5–11.
2. Апель, Ю. А. Доходяга: воспоминания бывшего пехотинца и военнопленного (сентябрь 1943 г.–февраль 1945 г.) / Ю. А. Апель. – М. : Росспэн, 2009. – 254 с.

3. Bericht über die Besichtigungsfahrt vom 07.08.–12.08.1941 durch Oberst Marschall // Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BA-MA). – RH 22/251.
4. Воспоминания К. И. Игошева // Волковысский военно-исторический музей имени П. И. Багратиона. – Инв. № 777099.
5. *Вахромеев, В. Н.* Выжить и вернуться: одиссея советского военнопленного, 1941–1945 гг. / В. Н. Вахромеев. – М. : Центрполиграф, 2011. – 223 с.
6. Воспоминания бывшего военнопленного А. И. Мягова // Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. – Инв. № 43756.
7. В фашистской неволе. Лагерь военнопленных № 337. Воспоминания бывшего военнопленного М. А. Жилина // Барановичский краеведческий музей. – Инв. № 1976.
8. Газета бывшего военнопленного шталага № 352 С. П. Злобина «Пленная правда» // Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. – Н/в № 17777.